

Пульс

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ С 1928 года

Орган парткома, профкома, месткома, комитета ВЛКСМ и ректората 1-го Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени медицинского института имени акад. И. П. Павлова

№ 31 (1127)

ПОНЕДЕЛЬНИК,

8

октября

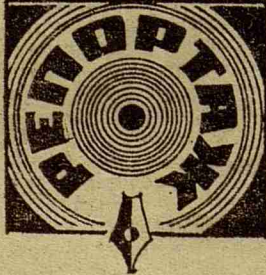
1979 года

Цена 1 коп.

Студенты — сельскому хозяйству

ВЕРИТЬ В ДРУЖБУ И СПОРИТЬ С БЕДАМИ НАУЧИЛ НАС С ТОБОЙ СОВХОЗ!

АКТУАЛЬНЫЙ

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В тот день погода стояла превосходная. Оживленно было и на Витебском вокзале, и на конечной автобусной остановке в Павловске: всюду транспорт до отказа наполняли студенты, одетые для работы в поле. Живописную картину представлял и лагерь нашего сельхозотряда «Глинки», залитый лучами утреннего солнца. Громко играла музыка. Группы студентов, приезжающих на один день, не задерживаясь, прямо из автобусов отправлялись на морковные поля.

Вместе с Германом Федоровичем Назаровым, заместителем командира отряда, мы пошли знакомиться с хозяйством. Приятное впечатление производила территория лагеря, тщательно убранная.

В центре — просторная столовая с цветным телевизором. На стенах свежие «молинии»; поздравления с днем рождения. На кухне тоже чисто.

Г. Ф. Назаров показал сушилки для белья. Они были заполнены мокрой одеждой: накануне прошли обильные дожди. Здесь же, под руководством команданта лагеря Н. В. Сорокина студенты, по болезни не вышедшие в поле, чинили клеенчатые накидки, брюки...

Я заинтересовался, сколько в лагере больных.

ЧТО РАССКАЗАЛ ВРАЧ

— В настоящее время число заболеваний резко сократилось, — говорит врач Н. В. Дармограй. — Совхоз и наш институт хорошо снабжают отряд медикаментами и оборудованием. Характерно, что наш медпункт стал одним из лучших в Тосненском районе. С первых дней работ не было ни одного серьезного случая заболевания. Пациенты страдают, в основном, от простуды... Правда, в первые дни кое-кто подарапал себе руки, из-за незнания правил техники безопасности. Но теперь все студенты работают в перчатках. Улучшились бытовые условия, питание. У нас есть баня — совхоз построил.

Верно, баня есть. Я спросил Германа Федоровича, по каким дням она работает. Заместитель командира показал расписание, из которого было видно, что студенты могут мыться ежедневно,

кроме воскресенья...

КРОМЕ ВОСКРЕСЕНЬЯ?

Поле. Дул сильный ветер. Невольно вспомнилась баня. Как приятно после работы помыться горячей водой!.. Но, по словам студентки III курса О. Копыловой, такая возможность предоставлялась не всегда. Полмесяца баня работала нерегулярно.

Незадолго до нашего разговора с командиром отряда мы посетили жилые помещения. Здесь тепло, сухо. Но очень грязно, словно вообще не убирают.

Студент VI курса Е. Деметьев, комиссар четвертого отряда, кстати одного из лучших подразделений лагеря, в разговоре отметил, что грязь в бараках — явление постоянное. Были даже случаи, когда отряды задерживались с выходом на работу, потому что никто не убирал. Дежурные плохо следят за порядком. И, как это ни странно, больше всего грязи в женских помещениях. В коридоре горы мусора, пустой стеклянной посуды, везде пыль... Это явное нарушение санитарных и гигиенических норм.

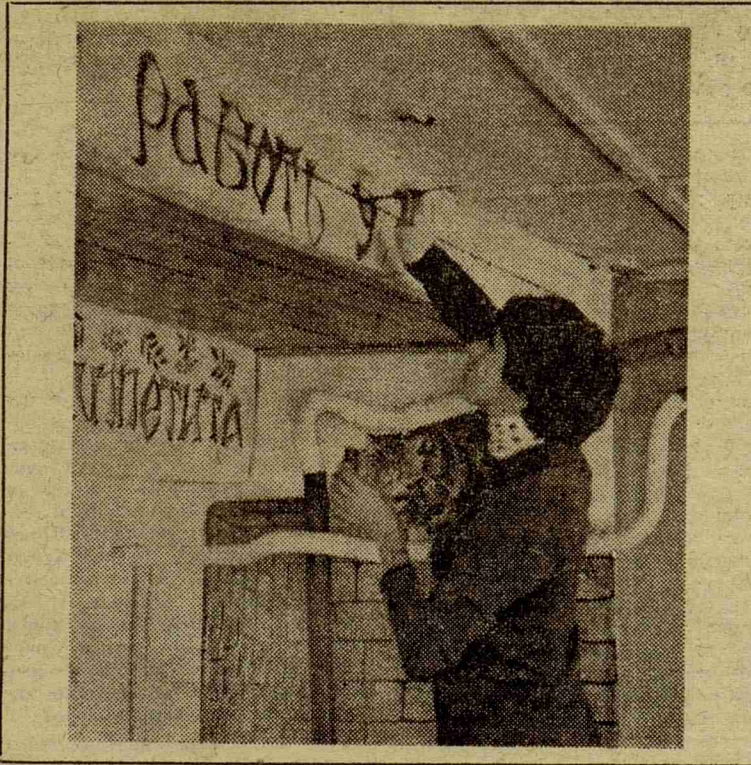
одной цифры, ни одного факта, ни одной фамилии.

— А зачем газете вмешиваться в проблемы совхоза «Федоровское»?.. — проницательно улыбнулся командир. Скажу только одно: в этом году сельхозотряд работает более высокими темпами, чем раньше. Взяв, например, семнадцатое сентября. На этот день мы вывезли моркови вдвое больше, чем в 1978 году. Всего нам надо убрать 150 гектаров плюс еще десять по встречному плану. На семнадцатое убрано уже 90 гектаров. Мы идем с опережением и надеемся, что с заданием справимся вовремя. В лагере отличная дисциплина, никаких проблем...

Действительно, в нынешнем году студенты работают очень хорошо. Но почему командир избегал разговора о трудностях? Он около часа пояснял преимущества стройотрядовской системы организации труда и жизни, примененной в сельхозотряде «Глинки-79».

Может быть в самом деле тревожиться не о чем?

— Михаил Евгеньевич, — го-

НИКАКИХ ПРОБЛЕМ...

Командира сельхозотряда «Глинки» М. Е. Семенова, заместителя главного врача клиники, встретили в штабе. Познакомились.

— Думаю, что вам, корреспонденту «Пульса», не было необходимости сюда приезжать, — сразу же сказал Михаил Евгеньевич. — Все сведения, необходимые газете, мы сами доставляем в редакцию.

Действительно, заметки в редакцию приносили. Их было две. Одна о посвящении в бойцы отряда. Вторая — ни о чем. Ни

ворю, — хотелось бы поговорить со студентами, увидеть как они работают, проводят часы досуга...

— К сожалению, разрешить этого не могу.

— Почему же?

— Потому, что партком нас не предупредил о вашем приезде. Вот завтра — милости просим.

По меньшей мере странной кажется подобная позиция.

Корреспондент газеты — не посол другого государства. Но его прибытию партком докладывать не обязан. Точно так же, как все мы обязаны реально оценивать действительность, не лаки-

ровать факты. На это, кстати, нацеливает и постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Солнце садилось. Его косые лучи освещали свежееубрашенные борозды моркови. Но лагерь не затихал после трудового дня. Здесь студенты готовились ко встрече с преподавателями института, которые регулярно приезжают в совхоз с лекциями для них и для местного населения. Там группа первокурсников собралась у неутомимого комиссара Н. В. Туркиной. Прекрасное настроение у бойцов четвертого отряда, возглавляемого студентом VI курса Александром Орловым. Еще бы: в те дни ребята работали лучше всех в совхозе. Лидировала деся-

тая бригада отряда, в чем, конечно, видна большая заслуга бригадира С. Пузыревой.

Можно с уверенностью сказать, что студенты 1-го ЛМИ оказали ощутимую помощь совхозу «Федоровское». Но тем обиднее кажутся те мелкие, но в общем преодолимые проблемы быта, с которыми пришлось столкнуться. Они — как соринка в глазу: вроде бы и мелкие, но неприятные. И, конечно же, затушевать их — значит вредить общему делу.

★ На СНИМКАХ:

★ Первокурсница Ирина Кузнецова оформляет помещение столовой.

★ На морковном поле — уже опытные бойцы третьекурсницы О. Копылова и Е. Грязнова, члены десятой бригады.

Фото и текст Е. ХАТКИНА

«ПУЛЬС»: — Федор Григорьевич, существует выражение: «солдатами не рождаются». Можно ли то же сказать о хирургах?

— Почти с полным основанием. «Почти» — потому что склонность к профессии, безусловно, должна присутствовать с малых лет. Но что такое божий дар без упорного, ежедневного, изнурительного труда! По выражению Маркса, «талант — это 99 процентов пота и 1 процент способностей»...

— Изведав все разнообразие деятельности провинциального врача, когда приходилось работать по всем специальностям — терапевтом, хирургом, акушером, стоматологом, я в 1931 году поступил интерном в клинику профессора Опеля, ныне больницы имени Мечникова. Прикреплен я был к Марии Ивановне Торкачевой — прекрасному хирургу, чуткому педагогу и, что самое главное, к человеку, преисполненному глубоким состраданием к больному. И вот, моя первая операция под ее руководством. Врачом я себя считал неплохим, поэтому мне казалось, что все идет как надо. Но после операции я неожиданно получил жесточайшую взбучку. Вдруг выяснилось, что и в анатомии я слабават, и узлы вязать не умею, и левой рукой не научился манипулировать так же, как и правой... Много пришлось услышать горьких истин. Мария Ивановна была резка, даже беспощадна. Но я благодарен ей за это. Потому что понял: или нужно сразу же распрощаться с хирургией, или ценой каждодневной работы, забыв обо всем, достичь мастерства.

Пошли дни, месяцы, годы изнурительной тренировки. Для начала нужно было научиться первоклассно шить. И, орудия хирургической иглой и иглодержателем, я... штопал чулки. Да, самые обыкновенные чулки. Причем, помещал себя в очень трудные условия — засовывал чулок в ящик письменного стола и работал там вслепую. Зато научился одинаково хорошо владеть правой и левой руками. Выбрал я и свой метод завязывания узлов. Забегая вперед, скажу, что на все это ушло восемь лет. У меня на поясе всегда были нитки. И где бы ни выпадала свободная минутка, я всегда, уже машинально, не глядя, вязал узлы. Зато, помню, ассистировал своему учителю Николаю Николаевичу Петрову. Едва он успевает продрнуть нитку, я мигом заканчиваю узел. Он только хмыкнул: «Ну и зол ты, папенька (так он называл учеников), узлы завязывать!»

Но мало усвоить основы мастерства. Нужно постоянно совершенствоваться. Кто не идет вперед — падает назад.

После войны, пройдя период долгой подготовки, мы в нашей клинике решили приступить к чрезвычайно сложной и опасной операции. Она помогает теперь радикально улучшить состояние больного, страдающего циррозом печени. Известно, что цирроз обычными методами не лечится. Задача вот в чем. Печень больного сморщивается. Кровь через нее проходит с трудом. Значит, нужно свести воротную и полую вены так, чтобы их соединило отверстие. Вот... (Федор Григорьевич рисует схему). Сосуды диаметром в два-три сантиметра — тонкостенные: натянул нить — разрыв — смерть. Не натянул — кровотечение — смерть...

— Но это уже не шов, а брабантское кружево какое-то!..

— Хуже. Анастомоз нужно наложить в считанные минуты! И вот, будучи уже профессором, я снова беру домой нитки, иглы, резиновые перчатки и опять создаю себе трудные условия, учусь накладывать анастомозы. Поужинав, обычно говорю домашним: «Пойду пошью немного». Однажды гостившая у нас родственница услышала это и чуть ли не отчитала меня: «Федор Григорьевич, вы ученый, а занимаетесь непонятно чем! Давайте, сошьем вам, портниха я хорошая». Постарался ответить ей как можно вежливее: «Спасибо, знаете, как-то привык сам...»

СПЕШИ ТВОРИТЬ ДОБРО

Имя Федора Григорьевича Углова известно в самых отдаленных краях нашей Родины и далеко за ее рубежами. «Смелый первооткрыватель, блестящий экспериментатор, основоположник принципиально новых направлений в хирургии», — таково мнение маститых советских и зарубежных медиков об академике АМН СССР, лауреате Ленинской премии, профессоре, заведующем кафедрой и клиникой госпитальной хирургии № 2. Сын простого рабочего, родившийся в глухом сибирском городе Киренске, Ф. Г. Углов прошел путь от деревенского врача до академика. Об этом тернистом пути, на котором были разочарования и надежды, горькие неудачи и триумфальные победы, о проблемах таланта и труда, профессионального долга и совести, о становлении личности и рассказывает коммунист Ф. Г. Углов, чей 75-летний юбилей был недавно отмечен.

сердце. Я уже не говорю о трансплантации сердца, хотя, по-моему, перспективность этого метода сомнительна. Но любая революция, например, в легочной хирургии, готовится долго и тщательно. Проблемой резекции большого легкого или части его занимались многие видные хирурги и у нас, и за рубежом. В конце 40-х годов впервые мне удалось спасти жизнь безнадежно больной. После этого уже по разработанному методу действовали врачи Ленинграда, Москвы и других городов. Во второй половине 40-х годов в нашей клинике удалось освоить хирургию пищевода, в начале 50-х — такие важные и трудные разделы, как цирроз печени (о нем я говорил), хирургию сердца, перикардит, гипотермию, искусственное сердце. Наибольшую известность приобрели к середине пятидесятых годов операции на сердце при митральном стенозе.

Упорство и самоотверженность нужны в любой профессии. Но сколько врагов и соблазнов подстерегает талантливого молодого человека! Самые страшные из них — водка и табак. Один из моих лучших ассистентов Александр Сергеевич Чекулин много пил и курил. Умер от рака. А сколько больных мог бы спасти! Я не пью совсем и ни разу в жизни не пробовал вкуса табака. И хочу предостеречь молодежь: наши дурные привычки часто оборачиваются горем и для других людей.

— Федор Григорьевич, Вы были начинателем революционных переворотов в отечественной хирургии. Какие главные этапы могли бы назвать?

— Сейчас хирург проник в святая святых человеческого организма — в грудную клетку, перикард, он смело оперирует на

сердце. Я уже не говорю о трансплантации сердца, хотя, по-моему, перспективность этого метода сомнительна. Но любая революция, например, в легочной хирургии, готовится долго и тщательно. Проблемой резекции большого легкого или части его занимались многие видные хирурги и у нас, и за рубежом. В конце 40-х годов впервые мне удалось спасти жизнь безнадежно больной. После этого уже по разработанному методу действовали врачи Ленинграда, Москвы и других городов. Во второй половине 40-х годов в нашей клинике удалось освоить хирургию пищевода, в начале 50-х — такие важные и трудные разделы, как цирроз печени (о нем я говорил), хирургию сердца, перикардит, гипотермию, искусственное сердце. Наибольшую известность приобрели к середине пятидесятых годов операции на сердце при митральном стенозе.

Мои товарищи, коллеги в свое время говорили: «Ты, Углов, открыл золотую жилу, вовремя взялся за хирургию легких...». Что ж, положила руку на сердце, скажу: эта «золотая жила» открылась, благодаря мучительным поискам, бессонным ночам, глубоким переживаниям. И я обращаюсь специально к молодежи: не падайте на счастливые случаи! В науке нет лотерейных би-

летов. Только упорный и неутомимый искатель обнаруживает россыпи больших открытий

Но вернемся к операции при митральном стенозе. Хирург должен вырезать отверстие в ушке левого предсердия, потом резко ввести в него свой палец и, нащупав суженные створки клапана, разорвать их. Это нужно сделать быстро и нетравматично.

Одну из первых своих операций запомню до конца дней. Подробно она описана в книге «Сердце хирурга». Напомню лишь в общих чертах. Когда пришло время, я отсек край ушка предсердия. Теперь требовалось расширить отверстие. Но тут давление крови страшно упало. Это катастрофическое состояние и для больной и... для хирурга. А отверстие мне пальцем никак не нащупать! И волнуясь, и опыта нет. Наконец, ввел палец в сердце, разорвал створки... Нужно делать массаж. Едва прикоснулся к сердцу — оно остановилось.

Земля ушла у меня из-под ног. Массирую отчаянно, с последней надеждой: ведь через три минуты умрет кора головного мозга больной, тогда — все!

Сердце можно оживить с помощью электрического разряда. Для этого нужен дефибриллятор. А у нас не было тогда, конечно, этого прибора! Практически больная уже мертва.

Говорю наркотизатору:

— Несите скорее электрические провода! Оголите концы!

Принес. Один конец включаем в общую сеть — 127 вольт, — другой обматываю стерильной салфеткой, смоченной в физиологическом растворе, накладываю на сердце... Разряд, искры! Сердце неподвижно. Еще разряд! Сердце слегка сократилось... и заработало. Победа!

Вот так мы начинали. Сейчас хирургам, конечно, легче. Есть и дефибрилляторы, и аппарат «сердце-легкие» и многое другое...

— И можно ожидать, что при нынешнем развитии медицинской техники можно наладить «серийный» выпуск хирургов, которые бы в массовом порядке проводили ранее невозможные операции?

— Никогда! Ведь главное — мастерство. А оно не передается по наследству или по документам. Даже при самой прекрасной аппаратуре хирург не сможет удалить элементарный аппендицит, не поработав предварительно над собой, не приучив себя к тяжелому труду, не собрав по крохам драгоценного опыта.

— Ваши книги «Сердце хирурга» и «Человек среди людей» разошлись быстро. Это свидетельствует об их популярности.

— Я получила около трех тысяч писем от читателей — школьников, студентов, рабочих, военнослужащих. Недавно в шахтерском городе Горловке горком партии даже провел конференцию среди секретарей городских партийных организаций по книге «Человек среди людей».

— Но ведь, казалось бы, о медицине, о врачах сказано в мировой литературе все, что возможно. Нам известны «Записки врача» В. В. Вересаева, «Записки юного врача» Михаила Булгакова, прекрасные романы Юрия Германа, повесть Артура Хейли «Окончательный диагноз», записки выдающегося хирурга Н. М. Амосова... Наконец, вышла книга пионера пересадки сердца Кристиана Барнарда «Нежелательные элементы». Что же все-таки заставило Вас взяться за перо?

— В названных книгах много говорится о романтике врачебной профессии. Но иной раз не подчеркивается другое. Отношение врача и больного, прежде всего — отношение человека к человеку, а не профессионала к объекту своей работы. И, в силу драматичности обстоятельств, эти взаимосвязи проявляются острее, обнаженнее. Мне в своих книгах хотелось утвердить мысль о том, что врачебный гуманизм, сочув-

ствие к больному, стремление ему помочь должны стать нормой поведения всех людей, а не только медиков. Уметь почувствовать чужую боль и активно отозваться на нее — вот что важно. Я, например, не могу похвастаться железным здоровьем, самому пришлось помучиться. Поэтому мне близки и понятны страдания других. Правда, это вовсе не значит, что врач обязательно сам должен «пострадать», чтобы научиться сопереживать с больным. Но ведь иной раз врач так оценивает пациента: «Повышенная чувствительность, истеричность...» Это потому только, что человек не может терпеть боли. А почему, спрашивается, он должен ее терпеть?!

Еще с древних времен говорят: у врача есть три средства исцеления — слово, лекарство, нож. То есть, мы, хирурги, беремся за дело там, где бессильны первые два средства. А тем не менее как много значит для человека доброе слово, участливая интонация. Мне, специалисту, доподлинно известно, что огромное количество болезней сердца провоцируется хамством, бездушием, эгоизмом других. Помню, привезли к нам женщину в тяжелом состоянии. К счастью, до операции не дошло. Но расспросив подробнее, я выяснил, что причиной ее болезни стала невыносимая обстановка грубости, постоянных придирок со стороны начальства. Пришлось обратиться в партийную организацию по месту работы больной, потому что создавшая там обстановка таила прямую угрозу для жизни женщины.

Творить добро... Это естественный долг каждого из нас по отношению к другим. Не зря Мария Цветаева говорила о «круговой поруке добра». Только для врача это еще и профессиональная обязанность. Поэтому, подчеркиваю, нужно учиться сопереживать. Но не так, как иные, с виду отзывчивые люди, которые и выслушают вас внимательно, и вздохнут сочувственно, и слезу пустят, и... ничего: пальцем о палец не ударят. Настоящий же гуманист — активен. Он не будет тратить лишних слов, а возьмется за дело и устранит причину страданий — и в медицинском и в социальном смысле.

Кроме того, в своих книгах мне хотелось развезать еще бытующее представление о хирурге как о некоем супермене в белом халате — человеке без нервов, с железным сердцем. Врач умирает с каждым своим больным. Это правда...

— Федор Григорьевич, употребляя такие понятия, как «добро», «зло», «честь», «долг», мы порой глубоко не задумываемся об истинном значении этих слов. А они нуждаются в конкретизации: ведь каждое понятие исторически изменяется.

— Категории добра, истины, чести неизменны во все времена. Содержание их, действительно, может меняться. Возьмем врача средневековья и нынешнего. Первый, пуская кровь пациенту, искренне верил в то, что облегчает мучения человека. Второй, наоборот, старается во время операции обойтись малой кровью. Но цель того и другого — творить добро, ибо мотивы у них одинаковы: помочь страдающему. Поэтому нужно, как говорят, от молодых погтей усвоить главные нравственные начала, установить для себя иерархию духовных ценностей. Тогда в тяжелых жизненных ситуациях проблема выбора решается легче. И если мне своими книгами удалось хоть в чем-то помочь юшам и девушкам, «обдумывающим житье», то это для меня — самая высокая награда.

И. о. редактора
Н. Г. ВОЛЫНСКИЙ

Новый адрес

и телефоны:

197089 Ленинград, ул. Льва Толстого, 6/8

Городской тел. 238-71-13, местный 113

М-33403 Заказ № 1306
Ордена Знамени
Красного Знамени
типография им. Володарского
Ленинград Ленинград,
Фонянка 57